

КАРТОЧНЫЕ ИГРЫ У КАЛМЫКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Достаточно долгое время некоторые аспекты повседневной жизни как российского общества в целом, так и калмыцкого общества в частности, оставались малоизученными. Надо отметить, что исследователи обходили вниманием, прежде всего, «теневые» стороны жизни общества, в том числе и карточные игры. Практически ни в одном серьезном отечественном исследовании не дается сведений по истории появления и развития игр, не излагаются подробно правила игры и рекомендации, а тем более отсутствуют серьезные научные труды аналитического характера. Вместе с тем карточная игра существует не сама по себе, это определенная реальность, напрямую связанная с жизнью общества.

В конце XVIII в. глубокий кризис, поразивший калмыцкое общество после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г., привел не только к сокращению численности калмыков, но и к массовому обеднению населения улусов. Кочевое хозяйство больше не могло реально быть источником материального благополучия [Батыров 2013: 117]. **Все чаще калмыки находили заработок за пределами Калмыцкой степи — в крестьянских и казацких хозяйствах соседних губерний и особенно на рыбных и соляных промыслах.** Как отмечал исследователь К. И. Костенков, калмыки стали массово заниматься на рыбные промыслы после 1798 г., когда «чрезвычайная гибель скота лишила калмыков всяких средств к существованию» [Костенков 1868: 141]. Уже в 1834–1835 гг.

в Калмыцком Базаре на рыболовные промыслы подряжалось ежегодно до 5000 калмыков [Карагодин 1981: 36]. Обедневшие калмыки стекались из разных улусов в Мочаги, откуда наемщики и поставляли основное количество рабочих рыбных и соляных промыслов. Неизбежное проникновение товарно-денежных отношений в Калмыцкую степь привело к тому, что калмыцкая экономика переставала быть замкнутой и стала все больше ориентироваться на всероссийский рынок. Помимо прочего в калмыцкие улусы хлынули культурные новшества, в том числе и карточные игры.

В настоящее время трудно судить о времени появления азартных игр в калмыцких улусах. Очевидно, что представители калмыцкой элиты достаточно давно были знакомы с картами, видимо еще с периода существования Калмыцкого ханства в XVIII в. Например, в конце XVIII в. в Яндыковском улусе была известна зайсангша Цебек, которая «прославилась» тем, что «питие же ее вино, а забава карты» [Батмаев 2002: 159]. Однако широкое распространение карточных игр среди простых калмыков мы можем отнести к периоду после 1771 г., когда стали появляться первые жалобы нойонов-улусовладельцев на разорение их подвластных от азартных игр и первые запреты на карточные игры среди калмыков. Достаточно отчетливо позволяет представить степень распространенности карточных игр в общественной жизни калмыков начала XIX в. обширная переписка Главных приставов калмыцкого народа [Горяев 2012: 80] с улусными приставами и улусовладельцами по поводу азартных игр, сохранившаяся до наших дней в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Анализ архивных материалов позволяет указать на то, что первой и наиболее популярной карточной игрой среди калмыков стала «Горка», которая вошла в массовый обиход в конце XVIII в. благодаря своим относительно простым правилам. Так, в 1803 г. судьи калмыцкого суда Зарго указывали, что «картежная игра Горка» появилась в калмыцких улусах в период существования «Калмыцкаго правления¹ и ныне при господине наместнике (Чучее Тундутове)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 1]. В 1804 г. исполняющий обязан-

¹ Астраханское калмыцкое правление — административный орган по управлению калмыцким народом (1797–1801 гг.).

ности Главного пристава Павел Прокофьевич Крупинский также упоминал о «картежной игре имянуемой Горка» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1]. Много позже, во второй половине XIX в., исследователь И. В. Бентковский отмечал, что любимые карточные игры у калмыков — «горка, филька и в три листика» [Бентковский 2011: 467]. В современных работах, основанных на полевых материалах, также отмечается бытование в прошлом таких игр, как «кезыр» — игра в семь карт, «геркю» (горка) — в четыре карты и «ремиз» — в три карты [Шантаев 2006: 163]. Следует заметить, что само название карточной игры — «Горка» — тоже подтверждает появление карточных игр среди калмыков в конце XVIII в., поскольку эта игра вошла в общественную жизнь России только в период правления императрицы Екатерины II.

Распространение карточных игр в калмыцких улусах, как и в любом другом традиционном обществе, влекло за собой случаи пьянства и аморального поведения, провоцировало драки, воровство, грабежи и другие преступления. Поэтому появление азартных игр среди калмыков стало предметом глубокой озабоченности у представителей российской администрации и калмыцкой элиты. В 1803 г. на имя Главного пристава Николая Ивановича Страхова поступило письмо из калмыцкого суда Зарго, в котором сообщалось, что один из судей по имени Габунг Цюрюм позволял играть в карты в кибитках своих слуг. Стало известно, что в ходе одной из таких картежных игр «у одного человека зговорившись двоя выиграла денег двести пятьдесят рублей». В своем письме судьи указывали, что в прошлом «при существовании Калмыцкаго правления и ныне при господине наместнике Картежная игра Горка и с нею вместе плутовство и мошенничество насланными повелениями было прекращено», и на этом основании судьи обязывали игроков вернуть выигранные деньги. Однако судья Габунг Цюрюм и сами игроки отказались вернуть деньги. Не имея возможности повлиять на ситуацию с возвратом денег, а также пребывая в сомнениях о судьбе самих запретов на карточные игры в России («если означенные повеления не уничтожены и другага порядка не учреждено»), члены суда Зарго передали решение дела по возвращению проигранных денег в руки

Главного пристава [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 1]. Н. И. Страхов, не вдаваясь в детали спора, волевым решением приказал выигравшим игрокам вернуть деньги, но столкнулся с довольно неоднозначным развитием ситуации, когда один из выигравших калмыков по имени Боро в свою очередь потребовал на таком же основании вернуть ему деньги (400 руб.), которые он проиграл в предыдущих играх [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 5]. Возврат денег проигравшим грозил перерасти в неисчислимую череду тяжб, поэтому Главный пристав срочно поменял свое решение на прямо противоположное, отказав просителям в возвращении проигранного. А в назидание проигравшимся возмутителям спокойствия, которые оказались выходцами из Дербетовского улуса, да и «протчим по дербетовому улусу калмыкам дабы не могли отрекаться незнанием играть в азартные игры и просить суда картежных забав, и о проигрышах», Н. И. Страхов поручил приставу Дербетовского улуса И. Бахтиярову общенародно объявить о запрете на карточные игры в улусе. Уже 17 августа 1803 г. И. Бахтияров доложил о выполнении поручения в рапорте [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 8]. Надо отметить, что Главный пристав Н. И. Страхов, вероятно впервые столкнувшись с такой проблемой, не уделил ей большого внимания, не разделив опасений судей Зарго по поводу распространения азартных игр в калмыцких улусах, а просто ограничился частным решением данного вопроса.

Более внимательно к проблеме азартных игр у калмыков подошел преемник Н. И. Страхова — коллежский асессор, исполнявший должность Главного пристава П. П. Крупинский. 29 июля 1804 г. он направил письмо на имя пристава Малодербетовского улуса, надворного советника Ильи Михайловича Бахтиярова, в котором указывал, что «по местному моему нахождению в дербетовском улусе сколько мог я заметить, что первейшее упражнение сего улуса у калмык а особливо у гелюнгов и у всех духовного причета состоит в картежной игре имянуемой Горка». Пристав отмечал, что «Калмыки по привычке своей занимаясь сей игрой обыкновенно для веселости чрезмерно употребляют горячее вино; а от сих двух начало в первейшия последствия происходят как то азарт, ссоры, драки», а «сверх сих последствий от азарта происходящих игра

Горка приводит калмык в крайнее разорение и распутство потому что калмыки проигрывают деньги а особливо скот в коем состоит весь их промысел и изобилие и не имея более следов к поправлению своего состояния вдаются в воровство и пьянство» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1].

Неприятное открытие факта распространения азартных игр в калмыцких улусах произвело большое впечатление на Главного пристава и привело его к мысли о негативных последствиях дальнейшего развития карточных игр для экономического благосостояния калмыцкого народа. Поскольку, по мнению П. П. Крупинского, азартные игры и пьянство подпадали под действие полицейского устава² (статьи № 214 и № 215), он приказал И. М. Бахтиярову запретить всем торговцам продажу карт в улусе и саму «картежную игру», а также довести до сведения дербетовских правителей запрет на азартные игры и сообщить о том, что «в случае ежели кто пойман будет <...> в пьянстве или картежной игре тот час взяв их под арест и на основании полицейского устава и статей 256 и 254 по первому пункту выдержав суточное содержание на хлебе и воде представить в Зарго» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1об].

Зафиксированное чиновниками увлечение азартными играми отдельными представителями духовного сословия привело пристава к мысли о запрете карточных игр среди буддийских священнослужителей. В своем письме от 29 июля 1804 г. к Сойбинг бакши Главный пристав писал о том, что в свой приезд он видел священнослужителей, «игравших в запрещенную картежную игру Горку именуемую», более того, П. П. Крупинский был неприятно удивлен, когда узнал, «что вообще во всех хурулах у геленгов первейшее есть упражнение карте оная играя». Отмечая тот факт, что игра в карты среди духовенства побуждает и простых калмыков «к таковому распутству», пристав просил наложить запрет на карточные игры в калмыцких хурулах [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 2].

Обеспокоенность П. П. Крупинского широким распространением азартных игр среди калмыков Малодербетовского улуса навела

² «Устав благочиния, или полицейский» 1782 года. Подписан Екатериной II 8 апреля 1782 г.

его на мысль о том, что в других улусах дела обстоят не лучше. Исходя из своих представлений о вреде азартных игр, а также указаний правительства, он, как представитель администрации, поставил задачу борьбы с азартными играми. С этой целью пристав вступил в оживленную переписку с улусными приставами с целью информирования о степени распространенности карточных игр в Калмыкии, а также выработки мер по их пресечению.

Надо отметить, что большинство попечителей довольно формально отнеслись к желанию главного пристава ограничить влияние карточных игр и лишь некоторые проводили активные мероприятия по запрету карточных игр среди калмыков. Так, пристав Багацохуровского улуса поручик Голубев в своем рапорте от 24 июля 1804 г. писал П. П. Крупинскому, что в «прекращение во вверенном мне улусе картежной игры, дабы не разорялись от оной лехкомысленная чернь калмыки» он вместе с правителями улуса и другими зайсангами приняли решение о полном запрете на карточные игры в улусе, а «кто дерзнет играть в карты, и пойманы будут» тому будет назначен штраф. Рассуждая о соразмерности штрафов наказанию, поручик с рапортом направил проект на утверждение «буде ваше высокоблагородие найдете справедливым по их обряду».

Предложения о порядке штрафов и наказаний за карточные игры внесли правители Багацохуровского улуса зайсанги Кюштю, Хабан, Мацак и другие, которые в официальном «объяснении» от 23 июля 1804 г. на имя улусного пристава поручика Голубева сообщали, что в «бага цохуровом улусе картежную игру определили мы строжайше запретить». В случае же «если кто впредь будет играть в карты на денги или на скот с хозяина в чьей кибитке будет картежная игра», то с таких нарушителей должны были брать штраф «трехлетнюю скотину», который должен был использоваться для улусных общественных надобностей. Кроме штрафа, игроки в карты наказывались десятью ударами плетью, и наконец, с них взыскивался денежный штраф в размере 1 руб., который планировалось отдавать тому, кто сообщал о случае картежной игры. Последнее предложение правителей улуса касалось тех, кто снабжал

игроков средствами для игры: «Естли же кто даст для картежной игры деньги или скот такового лишить тех денег и скота». В конце своего «объяснения» зайсанги просили сообщить о предлагаемых суровых мерах по отношению к игрокам в калмыцкий суд Зарго и Главному приставу [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 4–4об]. После подтверждения П. П. Крупинским решения Голубева и улусных правителей они планировали распространить их по всему улусу [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 3].

12 февраля 1805 г. Главный пристав направил распоряжение бодокчням Черноярского базара Кюме Андрею и Шарап Гецулю, в котором отмечал, что «дошло до сведения моего что кочующий при городе Черном Яре на калмык базаре разных владельцев калмыки употребляют чрезмерную картежную игру, пьянство и чинят воровство, отчего приходят в распутство и не в состоянии отправлять службу Его Императорскаго Величества», и соответственно им было предписано предпринимать меры по прекращению подобных действий [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 11].

Особый интерес представляет переписка П. П. Крупинского с приставом Калмыцкого Базара, коллежским ассессором Михаилом Тихоновичем Горбуновым. Так, 31 июля 1805 г. Главному приставу поступил рапорт от М. Т. Горбунова, в котором он указывал, что согласно полученному им при вступлении в должность предписанию, об искоренении «пьянства, игры, зерни и всяких распутств» им было проведено расследование. М. Т. Горбунов узнал, что некоторые калмыки, «находясь у рыбопромышленников и прочих людей в работе в свободное время удаляются от хозяев на другие дворы с дачею хозяевам оных интереса, упражняются в пьянстве и производят зернь, и картежную игру с обращением в распутстве». Получив достоверные сведения об имевших место нарушениях, М. Т. Горбунов неоднократно приказывал всем бодокчням, «чтоб они сами или чрез сторонних проводывали о местах производимой калмыками развратности, подтверждали им о воздержании себя от таковых поступках, а естли за сим где либо оные окажутся давали немедленно мне знать, чего во ожидании и оставалось неизвестным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12].

В качестве примера М. Т. Горбунов привел недавно произошедший случай: 18 июля 1805 г. к нему утром явились «подвластные владельца Санжи Убаши зайсанга Уту Манжи калмыки Хара Манжи Сансаев, Арши Улустунов, Зунгуру Аюшиев, Шара Шарширов, и владельца Цебе зайсанга Цебека калмык Гелгюрю Цаганов», находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, которые находились в работе у «надворного советника Варвация»³ и привели с собой Гелен Гецуля, которые сообщили, что «в прошедшей ночи все они играли в зернь карточную в горку по 10 копеек ставка». Конфликт произошел от того, что за неимением у одного из игроков по имени Зунгуру медных денег он положил на стол десятирублевую ассигнацию, когда другие игроки положили «медные 10-копеечные монеты», а после игры выигравший Гелен Гецуль забрал все деньги, в том числе и ассигнацию [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12об].

При этом Гелен Гецуль не отрицал, что играл в карты, оправдывая себя тем, что якобы не знал о запрещении карточных игр; в ответ другие участники карточной игры уличали «ево Гецуля, что он подлинно знал в картежной игре запрещенье от владельца, и зайсанга приказанье буде где он усмотрица в той игре у него деньги отбирать» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12об.]. Описанный случай позволяет узнать об условиях карточной игры. Как сообщал М. Т. Горбунов, «а в карты ж они играли в 1 части в доме», где проживала «мещанская женка» (т.е. жена мещанина), которая за разрешение играть в карты брала по 10 копеек с человека в сутки [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12об.].

Произошедшее событие позволило приставу выявить факт происходивших в городе «в домах по ночам непозволенных и разорительных игр». Позже пристав упоминал, что хотел лично проследить за карточной игрой: «хотя я сам желая помянутую женку уличить с бодокчеем доброго друга дни в вечеру проходя мимо дому подослал ево узнать нет ли у ней в доме калмык играющих в зернь, но на тот раз у не никого не случилось». В дальнейшем свои размышления

³ Иван Андреевич Варваца (1743–1825) российский дворянин, кавалер орденов Святого Владимира и Святой Анны, известный меценат, член тайного греческого общества «Филики Этерия».

о карточной игре пристав передал в рапорте от 23 июля 1805 г.: «о чем о всем вашему высокопревосходительству имею честь донести, и каким средством их от вышеписанного отвратить предаю в рассмотрение ваше, поелику в наставлении ничего не предположено» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12об.].

Выявленный случай нарушения калмыками запрета на распитие спиртных напитков и азартных игр привел пристава Калмыцкого Базара, коллежского асессора М. Т. Горбунова к мысли подать рапорт в Астраханское губернское правление, в котором он подробно описал факты того, что «разных орд калмыки находятся у астраханских рыбных промышленников в работах, которые удаляются от хозяев с дачею их интереса на другие двory, упражняются в пьянстве и производят зернь и картежную игру в доме». В том числе пристав указывал на недавний случай, произошедший в Астрахани. В заключительной части рапорта М. Т. Горбунов писал: «прошу картежную игру и зернь производимую в 1-й части города и в других местах приказать чрез кого следует воспретить а рыбным промышленникам также подтвердить до <...> находящихся у них в работе калмык отнюдь из интереса или из <...> на таковое зло не попускать» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 13-13об.].

Более того, и сам главный пристав П. П. Крупинский 7 августа 1805 г. сообщал М. Т. Горбунову, что «по содержанию Рапорта вашего от 23 июля за № 118 к прекращению картежной игры и зерни калмыками по городу производимой, отнесся я Астраханскому губернскому правлению и просил искоренить по городу зло сие», а также рекомендовал выявить совместно с астраханской полицией случаи игры в карты и «просить о притоносодержателей картежной игры <...> удовлетворения» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 14-14об.].

Не успел пристав написать рапорт от 23 июля, как вечером 27 числа того же месяца на этот раз «на птичном дворе называемом», бодокчей Добро нашел у калмыка Джамбы Кусенова, принадлежавшего зайсангу Арши, «по допуску жены онаго калмычки Биджики калмык до шести человек играющих в зернь карточную в деньги в горку». Чтобы прекратить карточную игру, бодокчей взял несколько карт, что стало причиной еще одной потасовки, так как «они как

были пьяные осердясь зделали драку, ево Бодокчя побили изорвали на нем бешмет новый китаишной». По горячим следам и «извету ево Добры» были захвачены «один казенного ведомства Бага-Цохурова улуса аймаку зайсанга Джиргала Гецуль Зодбо Убашиев, да весьма пьяной зайсанга Кошты калмык Ходже, и отведены на часть, прочие бежали куда неизвестно». На другой день один из них по имени Гецуль Зодбо Убашиев признался, что в карты играли сперва девять человек, из которых четверо затем покинуло игру, а он с оставшимися пятью калмыками продолжил играть. Двух игроков он опознал как Курне владельца Мукукенья и Шойкулая из Багацохурова улуса, а трех остальных он не знал. Что же касается Ходжи, то со слов гецуля он в карты не играл, «а был только пьян и кричал», что подтвердил и сам пострадавший бодокчей. Гецуль и Шойкула нанялись к купцу Хлебникову. По поводу самой игры Гецуль сообщил, что карты были куплены у «означенной женки» за один рубль. Оба пойманных за карточной игрой калмыка в конечном итоге были отпущены из-под стражи «с подтверждением чтоб один в карты не играл, а другой не пьянствовал». Жене же Джамбы Кусенова было запрещено пускать калмыков для игры в карты в кибитку под угрозой денежного штрафа [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 15-16об.].

Вскоре открылось новое правонарушение, когда подвластные владельца Мукукенья аймака зайсанга Джальчин Гелюнга, калмыки Лоузанг Иши Дунаев и Джамчю Лоузангов, пришли к приставу и объявили, что они шли в город для покупок через «Красный мост», а деньги, завернутые в кулек, в сумме десяти рублей нес на плече Лоузанг. На этом мосту им встретились «Багацохурова улуса Еркетневского роду зайсанг Мукукень с новокрещенными калмыками одним госпожи Ахматовой, а другим архиерейским», которые, остановив их, схватили «кулек с деньгами» и стали вытаскивать деньги, но успели взять только два рубля тридцать копеек, когда к пострадавшим на помощь пришли двое их знакомых и стали отбирать деньги. Однако зайсанг со своими спутниками избил всех четверых: «и платье на них рвали, и одного свалив с ног зайсанг за косу⁴ рвал, и те новокрещенные держали лежащего на земле,

⁴ Традиционная мужская прическа калмыков.

он давил ево коленками». Найденный бодокчеем Шоргой зайсанг был приведен к приставу пьяным и оправдывался, что «якобы оные четыре человека ссорились и дрались с помянутым с ним приехавшими на дрошках из городу на красной мост — с двумя новокрещенными калмыками, аймак их и чьи они будто не знают (скрылись), а он зайсанг разнимал, а денег у них не отнимал». Однако присутствовавшие четверо пострадавших его уличили во лжи. К тому же бодокчей Шорго «от стороннего калмыка слышал что он видел как реченной зайсанг с двумя калмыками приехали на дрошках к мосту красному, и должно было извощику заплатить деньги, но по неимению у них их с одного сняли бешмет, да и как у означенных калмык деньги отнимали и их били». Пристав приказал зайсангу возратить похищенное пострадавшим, но, столкнувшись с отказом, чтобы «от пьянства вытрезвился отослан в третью часть под стражу, где он ночевал, а поутру взят ко мне и внушаемо ему было дурном поступке ево и об удовлетворении обиженных калмык и по многом ево упорстве, напоследок решился деньги заплатить». Зайсанг был отпущен, но в своем рапорте от 12 августа 1805 г. М. Т. Горбунов интересовался, что делать впредь «с подобными озорниками и наглецами как поступать вашего предписания» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 18–20].

В ответ на рапорт М. Т. Горбунова П. П. Крупинский направил ордер в его адрес от 7 августа 1805 г., в котором указывал, что в случаях «картежной игры и зерни калмыками по городу производимой» он должен был обращаться к полиции. Однако в ответном рапорте от 16 августа 1805 г. сам пристав просил ответить, что делать при «пьянстве сварах драках, и отъеме друг у друга денег, обращающимися, и по разобранию оказавшимися виновными калмыками» и указывал, что как «поступать ни прежде ни днесь, предположения нет» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 21].

Помимо улусных приставов в активную переписку по поводу азартных игр с П. П. Крупинским вступали и отдельные наиболее авторитетные калмыцкие нойоны-улусовладельцы. Так, 2 августа 1804 г. владелец Хошеутовского улуса майор Тюмень Джиргалан отправил письмо к исполняющему обязанности Главного пристава

калмыцкого народа коллежскому ассессору П. П. Крупинскому, в котором указывал на то, что «Астраханские разнаго звания татары приезжают к подвластным моим калмыкам для продажи товаров в лотках и на арбах производя торг а между тем привозят и продают водку, которую калмыки покупая напиваются пьяны и берут у тех татар карты и играют».

Много конкретных наблюдений касающихся карточной игры содержится в письме нойона Тюменя: «Естли у кого не случаетца денег берут у татар в долг калмыкской чай, или другой какой товар. Играют на оный, и когда случится одному или двоим достаточно выиграть чаю, или товару или табаку папушами, оное продают обратно тем же татарам и отдают оной против взятой в долг цены на начальные деньги в половинную цену». В данном случае Тюмень обращал внимание на тот факт, что калмыки его улуса «чрез то несут великой убыток, и разорение, и приходят в неисправность нести службу Государеву, должных мне податей давать и совсем не в состоянии а затем берут уже вредные меры к воровству и обманам, и так калмыки пивши водку и бравши в долг товар играя в карты совсем себя разоряют и запропащают, а татары стараются сохранять оное в важной тайне обяывая калмык присягой и дают зажитышным людям для картежной игры товар в долг».

Проблема распространения карточных игр усугублялась тем, что сам нойон по сути являлся единственным их противником в улусе. Об этом он с горечью писал, что «хотя я имею за оным мое наблюдение, но одному или двум человекам поймать и обнаружить онаго нельзя». Тюмень имел довольно четкое представление о том, что его действия против карточной игры во многом ограничены, в том числе и по той причине, что «Естли пять или десять человек пымают, то татары зделают приключ скажут, что калмыки напав на них ограбили войдут в прозьбу и чрез то выдут хлопоты чего опасаясь также поймать нельзя» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 1-1об.].

Выход из сложившегося положения улусовладелец видел только в запретительных мерах. И здесь мнение нойона основывалось не только на личном неприятии картежной игры, но и на памяти о таких запретах в прошлом. Так, он писал, что «назад тому 22-й

год то есть 1783-м по повелению верховной власти командирован я был в сторону Крыма в поход и при отъезде своем просил я бывшего тогда в Астрахани губернатора господина действительного статского советника Михайлу Михайловича Жукова дабы никто подвластным моим калмыкам без сведения моего денег, товару, скота в долг не давал, и в работы не нанимал, и сделать о том в Астрахани купцам, армянам, татарам и индейцам запрещение». Данная просьба улусовладельца в тот период встретила понимание со стороны астраханского губернатора и «по всей губернии учинена публика⁵, потому подвластные мои калмыки ни имея на себе долга жили спокойно».

Однако несовершенство местного управления привело к тому, что данный нормативный акт был со временем забыт местными властями. Поэтому нойон Тюмень видел причины неудовлетворительного состояния в области азартных игр в том, что «как прошло тому уже много лет, и та публика вышла у всех из памяти, но мои люди не думают о могущих быть последствиях». Особую озабоченность у нойона Тюменя вызывал тот факт, что в обществе незаметно происходил подрыв родственно-семейных устоев. Увлечшиеся игрой жители улуса забывали о своих обязанностях перед семьей, погружаясь в мир азартных игр: «покушаются брать в долг товар, деньги и тому подобное, торгующие каждой зная зажиточных людей, детям их без сведения моего верят в долг».

Возрастание роли российской администрации в жизни калмыков привело к тому, что нойон Тюмень — полновластный хозяин своего улуса — просил, чтобы «по сим обстоятельствам дабы чрез сие удобное было могущей последовать важной убыток удержать предварительно прошу вас впредь подвластным моим без сведения моего кто товару, скота и денег в долг не давал, и в работы не нанимал, а равно тому и к кочующим в степи, товаров телегами для продажи не вывозили, чрез кого следует сделать запрещение».

Высказывая свою обеспокоенность сложившимся положением в улусе, нойон Тюмень опасался, что «вывозящие в степь на телегах и продающие товар, горячее вино, и водку татара продавая калмыкам

⁵ Публика (уст.) — объявление.

пойло и чрез пьянство выходят ссоры, а от того дела татары приклеп что калмыки и ограбили, отчего в других улусах понесли калмыки великой убыток» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 1-1об.]. Полученное письмо от улусовладельца не осталось без ответа со стороны калмыцкой администрации, и 17 августа 1804 г. П. П. Крупинский подал рапорт в астраханское губернское правление, в котором писал «о беспорядках происходящих в калмыцком хошоутовскаго владельца майора Тюменя улусе от продажи татарами водки и карт»⁶. В ответ на рапорт 24 декабря 1804 г. «приказали: по жительству татар в Астраханском и Черноморском уездах сих уездов нижним земским судам предписать указами дабы оные помянутые в рапорте вашем требовании во всей точности выполнили, о чем и вам указом дать знать» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 5]. В 1806 г. П. П. Крупинский признал дело решенным, поскольку дело «по прозьбе владельца Тюменя о уничтожении в улусе его картежной игры производимой татарами астраханского и красноярского уезда по рапорту моему губернское правление строго татарам чрез нижния земския суды подтвердило, почему дело сие числить решенным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 8об.].

15 октября 1804 г. П. П. Крупинский получил прошение от калмыка Хара Манжи, подвластного «владельца Санжи Убаши аймаку зайсанга Джамбы гецуля». В прошении указывалось, что в течение «сего года с летняго последняго месяца по осенней средный месяц, в Аксахаловском хотоне, да еще у Габун Иши в хотоне» калмыки Анак и Габун Иши организовывали у себя в хотонах карточные игры. Сам проситель, который, как выяснилось, был тогда «кочевьем своим поблизку», часто ходил к ним играть в карты и, по его словам, не имел «выигрышу, равно и проигрышу». Однако 17 сентября 1804 г. Анак с пятью товарищами явился к Хара Манжи и, объявив о том, что он якобы проиграл в карты, отнял у него двух лошадей и быка. А затем, 24 сентября, они отняли у него еще двух коров с телятами и четырех баранов. Возмущенный такой несправедливостью Хара

⁶ Губернское правление— это бюрократический орган при губернаторе (относившийся к Министерству внутренних дел) с постоянным штатом, ответственным за управление губернией.

Манжи сообщил об этом владельцу и улусному приставу. Однако, когда проситель в следующий раз повстречался со своими обидчиками, он пострадал уже физически: «били плетьюми» и отняли «десяти рублевую ассигнацию, две серебряные монеты, чотки и трубку» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 7-10об.].

20 марта 1806 г. астраханское губернское правление сообщило Главному приставу калмыцкого народа П. П. Крупинскому о том, что в ответ на его рапорт от 7 августа 1805 г. был принят указ от 13 марта 1806 г. в адрес астраханской полиции, «дабы она при наблюдении должна своей относительно запретительных игр и обуздания разпутства имела особливое внимание в рассуждение калмык в городе находящихся поступая без упущения по уставу благочиния и другим изданным на сей предмет узаконений» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 24.]. В свою очередь П. П. Крупинский довел до сведения пристава М. Т. Горбунова в апреле 1806 г., что в «картежной игре калмык все взяты предосторожности и о наблюдении к удержанию сего Астраханское губернское правление подтвердило о сем полиции наистрожайшим равным образом предписано», и на этом дело перешло в разряд решенных [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 25].

В настоящее время узость источниковой базы не позволяет нам судить о степени настоящего размаха распространения карточных игр в Калмыцкой степи. Однако следует констатировать тот факт, что, несмотря на все мероприятия по запрету карточных игр, они мало повлияли на их распространение среди калмыков. Это было связано с тем, что все ограничительные меры носили, во многом, формальный характер. Так, уже в 1807 г. во время тяжбы за улус умершего икицохуровского нойона Мукукенья торгоутовских нойонов Эрдени и Джиргала с нойоном Санджи-Убуши, первые в своем письме к Главному приставу А. И. Ахвердову от 14 февраля 1807 г. описывали картину разгула азартных игр: «между тем оной улус чрез продажу горячего и виноградного вин и платежи за карты российским людям и сборами владельцу Санджи-Убуши податей может разориться до основания; и будучи без должного управления по своей воле покупая игру карты по пять рублей. За свет платят по два рубля в ночь <...> не имеющие же для картежной игры денег

занимают у тех корчемщиков платя им процент по десять копеек за каждый рубль в ночь. А если кто не имеет у себя на платежи денег таковых заковывают в железы и берут у них скот дешевою ценою, и будучи под таковым бесхозяйственным распоряжением допущены до того, что несколько человек промотавши весь свой скот похищают воровски оной у своих родственников и отдают за долг ими промотаны, и тем разоряют других» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 22].

Были подвержены этому пороку и представители наиболее заметной социальной группы — калмыцкой аристократии. Так, в 1832 г. малодербетовский нойон Деджит Тундутов имел долги на сумму до 90 тыс. руб. По запросу астраханского военного губернатора В. Г. Пяткина в Комиссию калмыцких дел о причине столь больших долгов Д. Тундутова, принимая во внимание его ежегодный доход в 150 тыс. руб., был получен ответ, что несмотря на экономную жизнь нойона «доходят до комиссии частые слухи, прожил их зазорным образом (т. е. игрой в карты). Иначе столь великие доходы прожить ему невозможно» [НА РК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 132. Л. 16]. После смерти другого дербетского владельца Эрдени Тундутова за ним осталось карточных долгов до 60 тыс. руб. Наконец, в 1876 г. хошеутовский владелец Церен Надмит Тюмень имел долги на сумму более 11 тыс. руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 350. Л. 35].

Таким образом, обширная переписка Главного пристава П. П. Крупинского, сохранившаяся до наших дней, позволяет отчетливо представить степень распространенности карточных игр в общественной жизни калмыков. Во многих рапортах улусных попечителей и калмыцких улусовладельцев звучала тревога по поводу распространения азартных игр. Соответственно благодаря деятельности калмыцкой администрации и калмыцкой элиты уже к 1806 г. в Калмыцкой степи был принят целый ряд указов, запрещавших карточные игры среди калмыцкого населения. Но средства по искоренению азартных игр были ограничены, и П. П. Крупинский обошелся лишь запретительными мерами. Согласно «Уставу благочиния» Главный пристав предлагал запретить продажу карт в улусах, а также и сами карточные игры под угрозой суточного ареста

на хлебе и воде. Однако все запретительные меры, как и в других российских регионах, носили, во многом, формальный характер при полном отсутствии единой общероссийской государственной политики. Об этом свидетельствует то, что в период с конца XVIII в. по начало XIX в. наместник Калмыцкого ханства Ч. Тундутов, нойон Тюмень Джиргалан, правители Багацохуровского улуса, различные приставы и сам Главный пристав калмыцкого народа запрещали карточные игры и неоднократно обращались в самые разные учреждения с целью запрета на распространение азартных игр среди калмыков.

Очевидно, что повсеместное появление карточных игр в разных российских губерниях знаменует собой начало трансформации традиционного уклада под влиянием российского рынка (индустриально-урбанистического уклада). Представленные факты о распространении карточных игр среди калмыков позволяют нам сделать некоторые выводы о том, что когда обедневшие калмыки стали массово приезжать в города для найма на «домовые работы» и к рыбопромышленникам, то это стало причиной неизбежной переориентации их мировоззренческой системы и высвобождения игрового инстинкта. Это усугублялось почти полным отсутствием механизма защиты от игровой зависимости в любом традиционном обществе. Город, населенный представителями самых разных культур и языков, ограниченный в пространстве каменными и деревянными домами, подавлял вынужденных отходников, привыкших к обширным степным пространствам. Не будучи в состоянии жить по своим обычаям, общаться в своем социуме, оторванные от своей семьи, калмыки стали восполнять это общением при игре в карты. Определенный духовный вакуум, нужда в социальном контакте стали главными причинами игры в карты у отходников. Игра в карты была сублимацией равноправного социального общения в своем кругу под давлением чуждого им мира, где они находились в самом низу социальной лестницы.

Карточные игры ознаменовали собой изменение соотношения таких категорий, как труд и праздник. В среде отходников сложился определенный парадокс, когда, с одной стороны, почти все их время

занимал тяжелый и беспросветный труд, а, с другой стороны, у них отсутствовала семья и связанные с ней бытовые занятия, которым в обычной жизни посвящалось свободное время. Это время, которое нечем занять, при полном отсутствии контроля со стороны старших родственников, которые в патриархальном обществе нормировали свободное личное время, стало посвящаться карточной игре. Можно лишь привести в подтверждение слова калмыка М. Д. Куканова, который в разговоре с И. И. Мечниковым сообщал, что «Те из нас, которые идут на заработки в разные города, Астрахань, Царицын, Сарепту, не только ничего не наживают, но еще разоряются пуще прежнего. Хотя им платят хорошие деньги, но они их употребляют на дурные вещи <...>. Еще ни один калмык не нажил себе состояния на работах, но многие сделались там горькими пьяницами» [Мечников 1873: 351].

Несомненно, что появление карточных игр у калмыков стало свидетельством самых глубинных социокультурных процессов в калмыцком обществе на переломе. Это и отход от традиционного мировоззрения, традиционных ценностей, и начало распада большой патриархальной семьи, которая больше не отвечала потребностям калмыцкого общества. В свою очередь, возрастание роли малой семьи приводило к тому, что семья могла стать заложником мужа, который являлся полным хозяином собственности. Распространение азартных игр среди калмыков приводило к тому, что некоторые знатные люди разоряли свои улусы и аймаки, отдельные простолюдины — свои семьи, а представители духовенства — верующих.

При этом, как ни странно, в бытовании карточных игр отразилось народная специфика. Осмысление особенностей адаптационных возможностей культуры калмыцкого народа приводит нас к выявлению характерных элементов менталитета, связанных с особыми национально-культурными целостностями, которые ярко проявляются в отношении калмыка к труду, к деньгам и другим материальным ценностям. Определенный риск, связанный с рискованностью экстенсивного скотоводства, когда над кочевником всегда нависала возможность все потерять в результате различных стихийных бедствий, эпизоотий или военных действий, породил

некую легкость в отношении к своему имуществу. Отчасти, калмыцкое понимание жизни можно выразить в народной поговорке «Богатство — до первого бурана, богатырь — до первой пули».

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 27, 50, 51, 61; Ф. 9. Оп. 4. Д. 350; Ф. 145. Оп. 1. Д. 132.

Литература

Бакмансурова А. Б. Игровое начало конфликта, битвы, соревнования (На лексическом материале древне- и средневерхненемецкого) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 4 (35). С. 200–204.

Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

Батыров В. В. История и этнография калмыков в «Кратком описании калмыцкого и тухменского народов» Я. К. Ваценко // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. №3. С. 114–120.

Бентковский И. В. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология. Т. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 768 с.

Горяев М. С. Реформы по управлению Калмыцкой степью в последней трети XVIII – нач. XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. №1. С. 79–82.

Карагодин А. И. Калмыцкий Базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII–первой половине XIX вв.) // Исследование по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИЯЛИ, 1981. С. 31–48.

Костенков К. И. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1868. 341 с.

Мечников И. И. Заметки о населении Калмыцкой степи Астраханской губернии // Известия Российского географического общества. 1873. Т. IX. № 10. С. 335–351.

Никонов А. В. Метаморфозы игральные костей: к определению понятия «азартная игра» // Вопросы культурологии. 2007. № 8. С. 30–34.

Шантаев Б. А. Карточные игры у калмыков (конец XIX–начало XXI вв.) // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 163–165.

Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI–начало XX в.): история игры и история общества. Томск: Томский гос. университет, 2005. 244 с.